

Александр ДУГИН

**ФИЛОСОФИЯ
ПОЛИТИКИ**

Серия: *Новый Университет*

ББК 4.3

Д 80

издание осуществлено при поддержке

Фонда изучения наследия П.А.Столыгина

(президент Фонда П.Пожигаило)

Под редакцией к.ф.н Н.В.Мелентьевой

Автор приносит благодарность М.Г.Гаглоеву за дружескую поддержку во время работы над этой книгой

Рекомендовано в качестве учебного пособия по философии политики, политологии, истории политических учений, истории философии.

Д 80 Дугин А.Г. Философия Политики, М., Арктогея, 2004 - 116 с.

Новая книга известного русского философа описывает основные политические категории – власть, иерархия, проект, насилие, коллективная идентичность и т.д. — в традиционных и современных обществах.

Предназначена для широкой аудитории, студентов гуманитарных ВУЗов и аспирантов.

ISBN 5-8186-0020-3

© А.Г.Дугин

ГЛАВА 1. Философия политики как предмет и метод. Понятие Политического.

Что мы вкладываем в понятия «философия» и «политика»?

Если бы мы точно знали, *что такое философия и что такое политика*, мы бы, наверное, жили в другом, идеальном мире. Лучшие современные философы не писали бы книг с вопросительными названиями, вроде «Что такое думать?» (Мартин Хайдеггер) или «Что такое философия?»¹ (Жиль Делез). Мартин Хайдеггер² заметил: «Годы упорных штудий сочинений великих мыслителей не гарантируют нам умения мыслить или хотя бы готовности учиться это делать». А известный юрист Карл Шмитт утверждал: «Редко можно встретить ясное определение политического, по большей части слово это употребляется лишь негативным образом, в противоположность другим понятиям, в таких антитезах, как «политика и мораль», «политика и хозяйство», «политика и право».

Внутренний свет Софии

Философия — это путешествие во внутреннее. Греческое слово «философия» состоит из двух корней: «фило» (**fil**) и «софия» (**sofia**). «Фило» — означает «любовь», «тяготение», «влечение», «стремление к»; «софия» — «мудрость», «философия» (**filosophia**) — это «любовь к мудрости». Именно к «*мудрости*», а не к «знанию», «умению» или «власти». «*София*» («мудрость») — греческое слово. Оно означает трудную для постижения реальность — ускользающую от нас, цельную и не поддающуюся разделению на части.

Под «мудростью» древние понимали богиню (греки, в частности, богиню Палладу, **Pallaz**), сверхчеловеческое существо, архетип*, пребывающий *внутри* всех вещей и существ как небесный прообраз их земного бытия, их *идея**.

«София» — это скрытая, ускользающая от наших органов чувств, и даже от нашего рассудка, тончайшая духовная субстанция, «невидимый свет, разлитый в вещах мира». Поиск ее, притяжение к ней и составляет содержание процесса философствования.

* Здесь и далее иностранные термины, отмеченные знаком * поясняются в глоссарии в конце книги. Подробную информацию об упоминаемых авторах см. в разделе «Персоналии».

В современном языке слово «мудрость» упоминается редко, да и то чаще в шутку. Понятие «мудрость» в нашем обществе сильно дискредитировано: всерьез выставлять себя «мудрецом» может лишь комический герой — именно шутовские по сути персонажи ассоциируются у нас сегодня с представлением о «мудреце». Прямой славянский перевод термина «философия» — «любомудрие» — звучит архаично и несколько нелепо. Понятие «мудрость» явно не из современного арсенала общеупотребительных слов. Поэтому, задумавшись всерьез, что же такое «софия», которую ищут и «любят» философы, мы окажемся в трудном положении: окружающая нас культура заведомо противится этому намерению, стремясь рассеять нашу серьезность, обратив все в шутку или каламбур.

Понятие «внутреннего» Философия — это влечение к тонкой инстанции, «расположенной» на *внутренней стороне вещей* и являющейся, своего рода, их общим знаменателем.

Возникает потребность в определении того, *что такое «внутреннее»*. Это не такое простое понятие. Ясно, что «внутреннее» не является указанием на физическое местонахождение. Это, скорее, та инстанция, где расположены невидимые, скрытые корни вещей, явлений, событий, существ. Мы обращаемся к «внутреннему» всякий раз, когда испытываем потрясения, глубокую неудовлетворенность, отчаяние, жестокое разочарование в привычном ходе вещей. «Внутреннее» обнаруживает себя тогда, когда во «внешнем» возникает брешь, когда неудовлетворенность в обыденном и банальном становится для нас непереносимой, когда наше сознание мучительно ищет ответов на вопросы, которых на поверхности нет и не может быть. Человек теоретически может прожить и без «внутреннего». Без «внутреннего» он может сложиться, обучиться, поработать и умереть. Но такая жизнь будет лишена в своей сердцевине самого главного — ускользающего, неуловимого элемента, без которого, в сущности, и жизнь не жизнь. Философия профессионально занимается этим тонким измерением, которое, с одной стороны, вроде бы, совершенно необязательно для большинства, а с другой — фундаментально необходимо и составляет скрытую ось бытия. Если мы поймем, что такое «внутреннее» — мы поймем сразу все, останутся лишь детали...

Мы давно живем в «современном мире», где представление о «Софии», «внутреннем» и т.д. прочно отошли на периферию научного и общественного внимания. Поэтому понятие «философия» сегодня используется скорее по привычке, как дань инерции. И означает оно нечто весьма приблизительное. Едва ли мы в состоянии понять тот смысл, который в этот термин вкладывали древние.

Мудрость и бытие По мнению древних, мудрость сопряжена не только с сознанием и познанием, но *напрямую с бытием*, с его тайной, со скрытой стороной реальности. В связи с этим можно сказать, что мудрость, как ее понимали древние и более поздние

продолжатели античной традиции мышления, представляет собой *онтологическую** реальность. Онтология — есть учение о бытии как самодовлеющем начале, присутствующем во всех явлениях окружающего нас мира.

В представлении древних греков, впервые употребивших термин «философия» («любовь к мудрости»), природа «софии», к которой «философ» («ищущий мудрости») испытывает «влечение», *совпадает с природой бытия*. «София» не просто знание, совокупность представлений, «мировоззрение», но «световой срез бытия», его глубинная коренная часть. «Философия» в ее изначальном смысле и есть онтология, «наука о бытии».

Определение политики *Политика есть область применения высших способностей человеческого существа к конкретной реальности* окружающего мира, воплощенного в пространстве общественных связей и отношений.*

Одним из первых мыслителей, глубоко осмысливших политику, был Аристотель. Он назвал ее *«высшим из искусств»*. Аристотель видел в политике «высшую форму коллективного бытия людей». Он считал человека *политическим животным* (по-гречески **zoon politikon**): «Человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств, живет вне государства, — либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек»³.

О Государстве, «полисе», от которого происходит слово «политика», в этом же сочинении Аристотель писал: «Первичным по природе является государство по сравнению с семьей и каждым из нас; ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части». И далее: «Государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку; поскольку последний, оказавшись в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим, то его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому. А тот, кто не способен вступить в общение или, считая себя существом самодовлеющим, не чувствует потребности ни в чем, уже не составляет элемента государства, становясь либо животным, либо божеством»⁴.

Политика является *сознательным обобщением человеческого существования*, сферой, где *постижение общего, объективного и масштабного сопряжено с действием, призванным утвердить выводы, сделанные из такого постижения*. Иными словами, в политике воплощается *взгляд человека (как части общественного организма)*

- 1) на прошлое,
- 2) масштабное осмысление этого прошлого и
- 3) последующее *воплощение сделанных выводов в жизнь*, т.е. *волевая проекция их на окружающий мир в настоящем, предопределяющая ход будущего.*

Чтобы уяснить, что такое политика, представим, что человек, живу-

щий по заведенной логике (семья, работа, отдых), вдруг начинает задумываться о том, откуда происходит он сам, его народ, государство, окружающий мир? Постепенно у него складывается понимание, что он участвует в потоке событий, действий и состояний не случайно, что его бытие в огромной мере предопределено его родом, народом, культурой, историей, языком, и у каждого его действия и переживания, мнения и оценки есть глубокая подоплека, уходящая в смысловые структуры, *сложившиеся в глубокой древности*. Тогда он начинает относиться к своему прошлому, к тому, что предшествовало ему и его породило, с повышенным вниманием, особым духовным и умственным напряжением.

Мифы о прошлом Человек, безусловно, не может знать всех деталей прошлого, поэтому картина прошлого складывается из ряда отдельных ключевых моментов, из развернутой ткани того, что можно назвать «*мифами*»*.

Мифы представляют собой тайные, (эзотерические, сакральные) сюжеты, повествующие о происхождении бытия и мира, о богах и героях, их судьбе, действиях и парадигмальных жестах, являющиеся архитипической основой структуры традиционного общества - в социальном, политическом, религиозном, обрядовом, интеллектуальном, культовом и бытовом измерении.

«Мифы» о прошлом могут различаться, и человек волен выбирать из этого арсенала то, что ему более всего соответствует. В исключительных случаях человек сам может стать творцом или со-творцом «исторического мифа». Но в любом случае и *пассивное усвоение* исторического мифа, и его *активное созидание* в равной степени требуют большой внутренней работы по формированию отношения к собственным корням, ответа (или духовной солидарности с предлагаемыми ответами) на вопрос о происхождении, причинах и целях коллективного бытия.

Исходя из избранного «мифа о происхождении», человек формирует *волевой импульс*, преобразующийся в активность, направленную либо на сохранение образа жизни предков, традиционной системы ценностей, либо (в определенных случаях) на изменение, совершенствование, а подчас и ниспровержение этого уклада. В любом случае в определенный момент *осмысление превращается в действие*. Действуя на основании обобщенного осмысления прошлого (в его *качественном* измерении, внятно говорящем душе человека о самом главном), человек окончательно и полноценно вступает в сферу *Политического*.

Мы употребляем термин «Политическое»⁵ в среднем роде и с заглавной буквы, чтобы подчеркнуть онтологическое и философское его звучание. Такой подход призван напоминать, что речь идет о рассмотрении самостоятельного, цельного явления. Аналогию можно заметить в использовании понятий «человек» и «человеческое».

Термин «Политическое» разрабатывался и использовался в XX веке немецким политологом, философом и юристом Карлом Шмиттом (1888-1985). Традиционное общество не знало «политики» в современном смысле слова, как автономного явления. Оно знало «политическое» как онтологическое целое, неотделимое от философии, мифологии, религии, быта. Любой элемент политического — социальный институт, форма правления, правовое уложение — основываются на традиции, прямо проистекают из не. Мысль К. Шмитта состояла в том, чтобы уйти от узкого, функционального, прагматического понимания политики, в частности, от привычного для европейской философии отождествления Политического с государством. Шмитт, основываясь на древней философской традиции, предлагал рассматривать политическое как нечто самостоятельное, как самоценную реальность, определяемую собственными критериями и первичную по отношению к таким конкретным проявлениям как классы, системы правления, право и т.п.

Политическое есть обобщение опыта масштабного прошлого, усвоение (или формирование) качественного мифа об этом прошлом, отыскание человеком собственного места в масштабных реальностях истории и наконец формулировка определенного плана действий, выработка целей и задач в отношении окружающей действительности, которые человек намерен отныне воплощать в жизнь.

Индивидуальное и общественное Политическое начинается там, где *интеллектуальное обобщение приобретает оперативный и действенный характер, способный влиять на реальность как она есть или какой она предполагается в будущем*. Политическое есть сфера *общественного и обобщающего*. Не существует политики применительно к отдельно взятому человеку: *индивидуум** сам по себе не участвует *напрямую в политике*, в каком-то смысле, являясь *ее антитезой**.

Вспомним Аристотеля: «Кто не способен вступить в общение или, считая себя существом самодовлеющим, не чувствует потребности ни в чем, уже не составляет элемента государства, становясь либо животным, либо божеством». Аристотель показывает, что чистый индивидуализм в отношении Политического вообще не является «человеческим» проявлением — так ведут себя либо «звери», либо «боги». Индивидуальное существование, индивидуальные ощущения, размышления о самом себе в рамках собственной индивидуальности не могут быть политическими. Это — некая «*аполития*»*.

Политика начинается там, где есть обобщения, где наличествует мысль о себе и о других, где фигурируют реальности, более масштабные, нежели отдельный индивидуум — мир, истоки, происхождение, природа, действительность, другие люди. Политика представляет собой область отвлеченности от индивидуального, преодоления его и сознательного волевого *столкновение индивидуума с внеиндивидуальным* (в частности, с коллективным).

Коллективное представляет для отдельного человека самую важную форму обобщения, самое емкое, прямое, непосредственное и естественное столкновение с «не собой», с «другим», с тем, что лежит за границей индивидуальности.

Через общественное, через общение человек познает трудную реальность внешней среды. Здесь он сталкивается с тем, что заведомо больше его, что было до него, существует вне его и будет после него. В опыте общественного человек проникается головокружительным чувством — столкновения *части с целым*.

Люди, боги, звери и циклы Любое представление о масштабных явлениях, превышающих нашу индивидуальность, выводы, сделанные из этого представления, и основанные на них действия, вовлекают нас в систему соотношений с окружающим миром, которая оперативно рикошетом влияет на нас. *Политика имеет короткий обратный цикл*, поскольку столкновение индивидуального с коллективным немедленно дает обратный эффект.

Человек есть «политическое животное» (Аристотель), потому что общественное является для него естественной средой обитания, и взаимодействие с этой средой проходит в ритме, сопоставимом с ритмом человеческой жизни. В политике преодоление индивидуального для человека естественно и просто, причем результаты этого действия зримы и очевидны.

Те существа, которые пребывают вне политики (по Аристотелю, это «животные» и «сверхлюди»), оперируют с циклами иного масштаба. Если говорить о тех, кого Аристотель с некоторым презрением относит к «животным», то имеются в виду люди, не способные выйти за рамки индивидуального, не способные возвыситься над ними. Следовательно, их жизненный цикл протекает в пределах микромира, система взаимоотношений с внешней средой представляет собой обрывочные и хаотичные, лишенные стратегии и последовательности моменты, не выстраивающиеся в единую систему. Это и есть «аполитичность» или «абсолютный индивидуализм». Цикл жизни в данном случае настолько мал, что находится ниже уровня Политического.

Другая крайность — «сверхчеловек». Речь идет в данном случае о героях, аскетах, гениях, великих людях. Здесь так же, как и в политике, происходит преодоление индивидуального, но цикл на сей раз гораздо больше. Аскеты, герои, отшельники, удалившиеся от политики, возвышаются над ней, восходя к высотам духа, к созерцанию чистых идей, к взаимодействию с реальностями и существами, превышающими человеческую норму. В этом случае они находятся над политикой, и цикл взаимодействия с окружающим миром намного более долгий. Прославление подвигов героя, признание гения или доказательство святости отшельника сплошь и рядом происходят спустя много лет после их смерти, при жизни же нередко они становятся объектами травли и непонимания, что является следствием масштабности цикла, в который они вовлечены.

«Сверхчеловек» мыслит о том, что фундаментально больше него самого и взаимодействует с этим большим в вертикальном измерении, получая обратный ответ (часто проблематичный и растянутый во времени) из божественных бездн внутреннего мира. Это, пожалуй, единственная область, где индивидуум преодолевает свою ограниченность, оставаясь при этом вне политики. Это разновидность созидательной, *духовной аполитеи*, об этом случае Аристотель говорит как о «божественном пути», считавшимся в *сакральной цивилизации* вполне приемлемым для определенной части духовной элиты* общества.

Во всех остальных случаях человек, выходящий за рамки индивидуальности, получает ответную реакцию общественной среды очень быстро. Стоит нам выработать какое-то емкое представление о нас самих в более широком, историческом, духовном, культурном, национальном контексте, как мы сразу же ощущаем на себе ответный импульс общества. Тут же складывается динамичная, подвижная, напряженная система отношений индивидуума и коллектива, и мы целиком и полностью попадаем в стихию Политического.

Тотальность политики и фиктивность индивидуума *Политика для человека есть все, она тотальна. (Согласно французскому философу Жилью Делезу, «все в конечном счете — политика»).* Вне политики остается лишь замкнутое индивидуальное существование. Такое существование является абстракцией, умозрительной теоретической концепцией. Индивидуум, живущий в конкретной реальности семьи, общества, коллектива является в огромной (решающей) мере *предопределенным именно политической реальностью*. Политическое формирует все психологические, мировоззренческие, духовные, культурные, социальные, хозяйственные и властные установки, на которых основан любой человеческий коллектив, вплоть до семьи.

Конечно, Политическое на уровне конкретного индивидуума и отдельной семьи неочевидно, скрыто, завуалировано. Тем не менее оно присутствует везде и во всем. Так, согласно теории Делеза и Гваттари, у человека можно проследить наличие первичных элементов Политического даже на уровне глубинных эротических импульсов. Эту сферу психолог Феликс Гваттари назвал *«микро-политикой желаний»*.

На человеческое поведение в общественной сфере огромное влияние оказывают не только события настоящего, но и наследие прошлого — культурное, языковое, психическое, генетическое и т.д. А это, в свою очередь, в значительной степени — продукты влияния Политического на предшествующих циклах истории. Непрерывность (и тотальность) политического процесса обеспечивает непрерывность человеческого рода и формирует его отдельных представителей — вплоть до «микро-уровня» желаний и телесных ощущений.

Пол и политика Тема «микро-политики желаний» сопряжена с древнейшими эпохами человеческой истории, когда баланс полов не был еще устоявшимся, и *патриархат* конкурировал с *матриархатом*⁶ за первенство.

Политическая, культурная, психологическая, бытовая, религиозная, ритуальная практики, существовавшие при матриархате, представляли собой системы, резко отличные от последующих норм патриархальных цивилизаций. Со временем в ходе сложнейших, драматичных политических и военных коллизий, материнское право в этих цивилизациях сменилось отеческим. Процесс проходил болезненно. Следы конфликтов двух цивилизационных типов и процесса замены одного другим сохранились в мифах об амазонках, создававших закрытые женские общности и сражавшихся с представителями патриархальной цивилизации. Вопрос о том, сохранять ли матриархат, утверждать ли отеческое право или модифицировать одно в другое, решался, однако, *не на уровне семьи, а на уровне всего общества, на уровне мобилизации и напряжения всех общественных сил и энергий*. Семью, которую мы знаем сегодня, мужчины отвоевали у женщин в жестокой и продолжительной кровавой *политической* и военной борьбе.

Каким будет распределение полов в обществе — базовый вопрос цивилизации — зависит напрямую от политики. Это пример того, насколько глубоко корни Политического, коль скоро они предопределяют в человеческом обществе даже модели семьи, стратегии и роли полов.

Человек как субъект и объект политики Политическое является базовой характеристикой человека. Аристотель неслучайно назвал человека «политическим животным» («*zoon politikon*»): все неполитическое, что есть в человеке, есть и у животных, а политика в ее законченном виде у животных отсутствует.

Человек принадлежит к сфере политики специфическим образом: он активно соучаствует в ее реальности и может в определенных ситуациях выступать не только как *объект*, но и как *субъект*. Политика влияет на человека (в этом объектность его роли), но и человек влияет на политику (в этом его субъектность). Соучаствуя в политическом процессе, определяя его цели и характер, человек выступает как преимущественный деятель политики.

Философия, политика и видовое достоинство человека Тот же Аристотель назвал человека иначе — «*мыслящим животным*», подчеркивая, что мысль является сущностной характеристикой человека. Мысль в наиболее широком значении можно отождествить, как это делал Аристотель, с тем, что мы определили как «*философию*». Из двух фундаментальных посылок «отца философии» Аристотеля можно заключить, что *философия и политика — очень близкие вещи*. Поэтому когда мы говорим о «философии политики», мы отнюдь не

сводим искусственно разнопорядковые реальности, а говорим, по большому счету, о *сущностном измерении человеческого*.

Через философию политики, через философию и политику, через напряжение ума и активную политическую вовлеченность в сверхиндивидуальную (внеиндивидуальную) общественную реальность человек обретает свое подлинное *видовое достоинство*. По крайней мере, так мыслили древние — Платон, Аристотель, и, вслед за ними поколения философов, продолжаящих их линию в истории мировой мысли.

Из этого можно сделать следующий вывод: *чем меньше в человеке политического измерения, чем тусклее его ум, чем слабее выражено у него влечение к мудрости и бытию, тем менее он человек*. Убывание ума (равно как и убывание политического измерения) лишает человеческое существо того, что составляет его основное *видовое качество*, или, по меньшей мере, умаляет ту важнейшую его составляющую, которая *делает его собственно человеком*.

Отличие философии политики от политологии Чем отличается философия политики от политологии в широком смысле или от социологического подхода к политике? Философия политики не просто исследует структуру механизмов рациональной деятельности (чем преимущественно занята современная «философия», существенно утратившая изначальное представление о «софии», номинальном объекте своего влечения) или описывает механизмы политического функционирования и исторический контекст политических идей, режимов и систем (чем занята политология), но проникает в глубинную сторону политики, добирается до того внутреннего измерения, где скрыты бытийные корни самого этого явления, столь тесно связанного с человеком как видом⁷.

Онтология Политического у Платона Крупнейший древнегреческий философ Платон назвал свой главный труд «Государство»⁸. Эта книга, возможно, является одним из первых произведений, посвященных именно философии политики. В ней Платон описал идеальное общество, которое основывает свое политическое бытие на общем законе вселенской гармонии.

Диалог «Государство» представляет собой первую часть триптиха, вслед за которой следуют диалог «Тимей» (создание космоса демиургом по идеальному образцу) и диалог «Критий» (принципы идеального общества в их практической реализации). Эти произведения описывают полноценный сакральный мир, в котором внутреннее измерение бытия («идеи», «мировая душа») проявляет себя с помощью организующей инстанции («демиурга») во внешней чувственной реальности. Государство и, шире, политика в таком видении становятся одним из аспектов общей духовной закономерности мира, отражая в общественной жизни всеобщие начала мироздания,

осмысленные глубоким умом философа и воплощаемые в жизнь ясной и крепкой волей правителя-политика. Показательно, что обе фигуры — философа и правителя — у Платона в пределе совпадают, и в его «идеальном государстве», основанном на началах общей гармонии, высшей властью наделяются именно «мудрецы».

Другие типы людей занимают в «Государстве» подчиненное положение — в зависимости от качества их внутреннего мира, т.е. *души*. Граждане, в которых преобладает «вождедеющая душа», т.е. достигшие стадии умеренности, но не мужества и тем более мудрости, должны быть крестьянами, ремесленниками, продавцами (купцами), считает Платон. Тем, в которых преобладает волевая, мужественная душа, суждено стать стражами. И только достигшим в своем духовном развитии порога мудрости по праву можно быть политическими, государственными деятелями.

При этом в совершенном государстве между всеми тремя кастами должна быть установлена гармония. Каждый обязан делать то, на что он вправе претендовать по состоянию души.

Показательно, что именно в «Государстве» Платон формулирует знаменитое учение об идеях, ставшее осью последующей философии⁹.

То обстоятельство, что самое средоточие его философской мысли изложено в труде, посвященном именно «философии политики», не случайно. В «Государстве» и двух примыкающих к этому труду диалогах Платон наметил границы сферы, где мудрость соприкасается с бытием, где Политическое (как конкретное) соприкасается с духовным и всеобщим, где происходит *прозрение* человеческим существом собственной глубинной причины, тайны своего происхождения, и на основании этого прозрения формируется проект дальнейшего существования — как в общем, так и в частном. Здесь мы имеем дело с законченной и впервые отчетливо сформулированной «*онтологией политики*», так как политика понимается здесь через ее отношение к бытию.

Политическое как несхватываемое целое Политическое складывается из нескольких элементов, хотя термин «складывается» не совсем точен. Считать, что политика есть сумма каких-то компонентов, неверно. Политика в своей сути *предшествует* всем этим компонентам, существует до них и от них не зависит. Но она выражает себя через группу определенных явлений, которые суть формы реализации политики, продукты ее конкретизации. Это различные аспекты единой фундаментальной реальности — «онтологии Политического».

Сама сущность Политического неизменно ускользает от окончательного определения. Раз человек есть «политическое животное», и политика столь глубоко сопряжена с мыслью, с интеллектуальным достоинством человеческого существа и с его видовым определением, то, соответственно, Политическое не поддается прямой и однозначной идентифи-

кации. При всех стараниях разложить эту реальность на составляющие невозможно, строгому анализу поддается только нечто количественное. Поиск смысла — бытия, человека, жизни — всегда таит в себе неисчерпаемый запас неожиданностей. Фиксация внимания на онтологии политики вовлекает нас *в сферу неопределенности*, сопряженной с основами мироздания. Вместе с тем Политическое постоянно и активно *проявляет себя* в окружающей нас земной реальности, и веер его проявлений вполне может быть изучен. При этом не следует забывать формулу Аристотеля: «целое всегда больше суммы своих частей».

Семь моментов Политического Выделим семь основных моментов, описывающих Политическое.

Политическое проявляет себя через:

- *власть*;
- *цель, проект общества*;
- *иерархию, оперирование с неравенством, распределение общественных функций*;
- *правовую систему*;
- *коллективную идентификацию*;
- *насилие, легитимацию* насилия, защиту от насилия (коллективную безопасность)*;
- *ценностную систему*.

В дальнейшем, исследуя конкретные вопросы политики, мы будем применять эту модель для описания различных типов идеологий, политических и партийных платформ и т.д.

Воля к власти Философия политики, в отличие от политологии или прикладных политических исследований, ставит перед собой следующие вопросы: «какова *природа* власти?», «что такое *власть*?», «какова *онтология* власти?», «как *власть* сопряжена с *бытием, мудростью, внутренним измерением* вещей?» В таком понимании явление власти становится *неприкладным, нетехническим*.

Если проблема взятия власти или борьбы за власть обсуждается в различных политических учениях, то природа власти осмысливается и осознается, как правило, только в философии политики, но есть и исключения.

В своей программной книге «Воля к власти» Ницше размышляет о власти как философ политики, понимая ее *онтологически*, как одно из важнейших измерений, определяющих человеческое существование. Он показывает, что *власть* и *стремление, воля к ней* определяют сущность человеческого бытия. По Ницше, *воля к власти* является *общим знаменателем и базовой мотивацией* всей человеческой деятельности. Ницше понимает *власть* как *нечто тотальное, врожденное, определяющее*.

Согласно Ницше, нет людей, которые не стремились бы к власти;

есть люди, которые стремятся к ней плохо, мало или недостаточно эффективно. Соответственно, Ницше воспринимает *власть как квинтэссенцию политики*.

Ницше — сторонник возврата к древнегреческим ценностям, где бытие и сознание, естественное и искусственное, природное и культурное, человеческое и божественное еще не были разделены, как это произошло позднее под влиянием христианской догматики, западной рационалистической схоластики и норм «светской морали», определяющей современную европейскую культуру в целом. Категория «власти» для Ницше является «греческой» по преимуществу. В ней концентрированно выражается избыток чистых бытийных сил, еще не прошедших сложный процесс канализации по различным системам ограничений и сдержек. Власть для человека так же *естественна*, как наслаждение, радость или боль. Она выше морали, как выше морали само бытие. Власть совмещает в себе «синтез противоположностей», она не бывает «благой» или «злой», она бывает великой или мелкой, сильной или слабой. В духе своей теории, Ницше фактически отождествляет «власть» с чистым источником бытия.

Отличие от Платона, писавшего в иных исторических условиях, когда «греческое» отношение к миру было естественным состоянием, а не *агрессивной ностальгией* (как в случае Ницше), Ницше озабочен не «универсальной гармонией» бытия, воплощающейся в идеальном Государстве, но самим фактом *наличия этого* бытия, значительно иссякшего за две с лишним тысячи лет, отделяющих Европу XIX века от Древней Греции. Поэтому идеальное Государство Ницше сводится не к обширному трактату, но к краткому афоризму: «Государство или органическая имморальность *необязательно* в смысле полиции, пенитенциарной системы, сословий, торговли, семьи; *обязательно* — в смысле воли к власти, к войне, к завоеваниям, к мести».¹⁰

В случае Ницше и философов, следующим за ним в таком подходе⁹, мы имеем крайнюю форму экзальтации властного принципа. Это своего рода «*кратополитический** максимализм», т.е. политическая философия, признающая верховное начало в самой стихии власти, а не в ее юридическом оформлении и привязке к ограничительным системам легитимации*.

Такое отношение к власти, к ее онтологии свойственно тем политическим учениям, которые признают за сферой Политического *фундаментальное* значение. Там, где политика рассматривается как нечто тотальное, проблема власти приобретает центральный содержательный характер. «Кратополитический максимализм» составляет неотъемлемую часть онтологического подхода к проблеме Политического.

Власть: прямая и косвенная Отношение к власти как к явлению тотальному и органичному заставляет рассмотреть его разнообразные проявления, которые не могут быть сведены лишь к прямому и юридически обоснованному отправлению властных функций. Наряду с «*пря-*

мой властью» существует «*власть косвенная*». Карл Шмитт называет эти категории, соответственно, латинскими терминами — «*potestas directa*»* и «*potestas indirecta*»*.

Наличие понятийной пары «власть прямая» и «власть косвенная» вытекает напрямую из того, что властные отношения сопряжены с самой стихией жизненной динамики, которая не может быть фиксирована раз и навсегда. Формально утвержденная и общепризнанная структура власти (*potestas directa*) всегда — даже в самых тиранических режимах — имеет ряд юридических, силовых, этических, экономических или иных ограничений, и нуждается в расширении своего могущества с помощью арсенала дополнительных средств. Вся совокупность таких средств и методов господства составляет «косвенную власть» со специфическим инструментарием. Эта власть сплошь и рядом становится инструментом сил в обществе, потенциально способных осуществлять властные функции, готовых к этому, но для которых выход к легитимной власти по тем или иным причинам затруднен, либо вообще закрыт. «Косвенная власть», таким образом, может формироваться из политических элементов, чье открытое участие в политическом процессе по каким-то причинам затруднено. Данные элементы могут сотрудничать с «прямой властью» в секторе «власти косвенной», могут противодействовать ей, а могут «вести свою линию». В определенных случаях сектор реализации «косвенной власти» может быть занят теми группами, которые ставят своей целью свергнуть «прямую власть», тогда этот инструмент приобретает «революционное» значение и выступает как ядро альтернативного политического проекта.

Кратополитический минимализм На противоположном полюсе от «кратополитического максимализма», тяготеющего к абсолютизации властного начала, располагаются теории «*кратополитического минимализма*», рассматривающие власть не как изначальную стихию социального бытия человечества, но как рудиментарное проявление человека, требующее укрощения, детального правового оформления, ограничения и, в конечном счете, равномерного распыления по количеству индивидуумов, составляющих социальный коллектив. «Кратополитический минимализм» не просто делает властный принцип относительным и зависимым, ограниченным и обусловленным множеством посторонних факторов, но косвенно умалчивает глубинное значение Политического, рассматривая его не как изначальную и безусловную сферу человеческого бытия, а как его производный, частный и второстепенный аспект. Можно сказать, что здесь мы имеем дело со стремлением *минимализировать Политическое*.

Стремиться ограничить значение власти и «инстинкт к власти» в человеческом обществе и отдельном человеке — все равно, что стремиться ограничить значения политического или философского измерений. Тем не менее, существуют политические учения, считающие, что задача политики как раз и

сводится к ограничению, сокращению функций власти, к *дезонтологизации* власти. Такие учения и политические философии (из разряда «кратополитического минимализма») отрицают, что *власть через политику непосредственно сопряжена с бытием*, рассматривают значение власти в истории человеческих обществ как явление временное, обусловленное социальной неразвитостью. Ярким примером такого отношения является «анархизм»*.

Еще более последовательно (но менее ярко), нежели анархизм, противостоит онтологическому пониманию власти идеология *либерализма**.

Теория и практика современной демократии* основана на рассредоточении власти по целому ряду современных социально-политических институтов. Верховная власть разделяется на исполнительную (Президент и Правительство), законодательную (Парламент) и судебную (Верховный Суд), каждая из которых многократно ограничена как другими ветвями власти, так и дополнительными социальными институтами. Принцип «разделения властей» в современной демократии сознательно направлен на то, чтобы умалить связь властного начала со спонтанной стихией бытия, как понимает ее философия политики. Это разделение имеет в своей основе отрицательную задачу — релятивизацию власти, превращения власти в «не совсем власть». Отсюда «контрактная теория власти» — представление о власти как о «*договоре*» между обществом и нанятыми им функционерами.

Либеральные теории, во многом созвучные демократическим (часто они объединены таким явлением как *либерал-демократия*), акцент на невмешательстве государства (т.е. власти) в хозяйственную деятельность индивидуумов, на освобождении экономики от внеэкономического контроля иных социально-политических инстанций (отсюда классическое для либералов требование «снижения налогов») и т.д. Наиболее последовательные либеральные теории утверждают необходимость постепенного исчезновения государства как такового. Либерализм делает упор не столько на «народ» (или «общество» в целом), как классические демократы, но на *отдельно взятом индивидууме*, который рассматривается в отрыве от каких бы то ни было горизонтальных или вертикальных связей. Доведенные до логического предела либеральные учения фактически *отрицают политику, подменяя ее экономикой*. В некотором смысле, либерализм является самым последовательным «анархизмом», с той лишь разницей, что предлагает уничтожить государство (и власть) не революционным, но эволюционным образом.

Нигилизм* в сфере философии политики

В явлении «кратополитического минимализма» (и, в частности, в политической философии «анархизма») мы сталкиваемся с тенденцией занижения фундаментальности Политического, придания ему второстепенного характера, технологического и инструментального с ним обхождения, непризнания его изначальности и причастности к глубинным истокам бытия. Но поскольку Политическое, как показано выше, есть не-

что тотальное, то в этой тотальности, по определению охватывающей собой все, должны содержаться не только положительные возможности самоутверждения, но и парадоксальные зерна самоотрицания, своего рода «микробы нигилизма». Философия политики, чтобы быть полноценной, должна внимательно изучать нигилистические тенденции, подвергаящие отрицанию саму эту философию. Более того, развитие нигилистических тенденций, их диалектическое взаимодействие с тенденциями позитивными и утвердительными, напряженность, возникающая в таком взаимодействии (часто противодействии) составляет *нерв политической истории*, распознанной в ее философских основаниях.

Суть философско-политического нигилизма состоит в *отказе признать за Политическим качеством тотальности и онтологичности*. Его формулами являются следующие:

- политика не есть нечто тотальное;
- политика не есть нечто онтологичное;
- политика не есть нечто философское;
- политика не есть нечто изначальное.

Можно подытожить эту цепочку высказываний так: политика не есть Политическое, Политического (с большой буквы) не существует.

Исследование *нигилистического сектора* входит в компетенцию полноценной философии политики: исследуя болезнь, мы лучше понимаем, что такое здоровье.

Цель и проект

Вторая форма проявления Политического — цель или проект общества. Тотальная политика выражает себя через цель или проект. В этом *телеологическом** определении политики проявляется *способность человека к проектированию будущего*. Здесь воля и сознание сливаются в *нечто единое*. Через телеологическое измерение политики, через политически сформулированную, объявленную и реализуемую цель человеческое общество и отдельный человек влияют на ту реальность, которая создается вокруг, определяют ее основные параметры. Без власти или вне власти как осевой линии политики, конечно, никакой цели, никакого проекта реализовать невозможно. Сама власть как некоторое внутреннее измерение политики, как центр, как ее наиболее онтологическое измерение, будет бессмысленной, если не будет ставить перед собой цели и реализовывать определенный проект.

Между целью и властью существует теснейшая взаимосвязь. Если носитель политической власти — кто бы им ни был: народ, отдельно взятый человек, монарх, вождь или класс — не способен обратить ход исторического процесса к определенной цели, реализовать тот или иной проект, значит у него, по большому счету, этой власти нет или она неполна.

Власть становится фиктивной в том случае, если не способна выдвинуть, сформулировать и реализовать цель. Цель масштабную, сопоста-

вмую с теми категориями, — бытие, смысл, воля, история, миф об истоках и т.д., — которыми оперирует тотальная политика.

Построение справедливого общества или усиление государства, смена конфессии или, наоборот, сохранение религиозного уклада, проведение той или иной политики в отношении этносов, бережное сохранение устоев или культурный рывок, завоевание и освоение новых территорий или охрана границ, мобилизация хозяйственных сил для технологического броска или предоставление экономике возможности свободно развиваться по ее внутренним законам — это и есть политические цели. *То, что не обладает судьбоносным измерением, не принадлежит к сфере подлинной политики.*

Подчеркнем один момент: русское слово «цель», происходящее от греческого «telos», также этимологически связано с немецким корнем «Neil» — здоровье. «Цель» подразумевает представление о целостном, это этимологически близкие слова¹².

Цель как задача и целое как общее, совершенное, законченное — очень близкие вещи. Цель не может быть обращена к частному, частное не может быть целью. *Когда цель целостна, тогда она приобретает измерение тотальности, измерение Политического, она становится политической целью.*

Наличие у Политического цели признается не всеми политическими учениями. Там, где в основе отношения к политике лежат онтология и философия, телеология признается и концептуально оформляется; Политический проект — предназначение, цель общественного пути — ясно декларируется; политический организм — государство, партия, социальные слои, простые граждане — обретают четко обозначенный горизонт, достижение которого составляет для них высший смысл коллективного существования. Цель может быть самой разной в зависимости от конкретики политического устройства, но в любом случае она играет роль *смыслообразующей инстанции* для всего общественного бытия.

Политические учения, отрицающие цель Существуют политические теории, отрицающие *общественную цель*. Это либеральные концепции, отчетливо развитые школой политических мыслителей от Джона Локка через Дж. Ст. Милля и И. Бенгтама до Ф. фон Хайека и К. Поппера.

Согласно этим авторам, наличие у политического общества *любого проекта* чревато неоправданным насилием, стремлением подчинить отдельных индивидуумов, ориентированных на реализацию частных интересов, абстрактному вектору, из этих интересов (ни вместе, ни по отдельности) не вытекающего. Либералы стремятся доказать, что любой масштабный политический проект автоматически ведет к ограничению или подавлению свобод индивидуумов. Исключением является проект «открытого общества», который, мыслится ими как, своего рода, «антипроект». С позиции филосо-

фии политики, столь радикальные выводы либеральных мыслителей заставляют отнести их самих к разряду «политических нигилистов», отрицающих онтологическую сущность политики в целом.

Структура неравенства (иерархия) Следующий аспект проявления Политического — *утверждение иерархий, манипулирование с неравенством, распределение общественных функций*. Эмпирическим фактом является то, что *индивидуумы не равны*. Фридрих Ницше, подчас вынужденный с пафосом напоминать об очевидных вещах, о которых оптимистические гуманитарии и восторженные филантропы XIX века постоянно забывали, сформулировал паразитичный по краткости (абсолютно бездоказательный, но при этом абсолютно истинный) тезис: «Братья мои, люди не равны!».

Неравенство людей, о котором говорит Ницше, есть *эмпирический** факт, а *политическим* неравенство становится, не просто когда мы констатируем объективное неравенство («одно не похоже на другое»), а когда та или иная модель неравенства утверждается вопреки или в ущерб другим.

Политическое не утверждает неравенства: *люди являются неравными не потому, что они вступают в сферу Политического*. Политическое само по себе не навязывает им структуру неравенства, оно лишь тем или иным образом *оперирует с ней как с данностью*, организуя ее в соответствии со своими предпочтениями.

Неравенство может быть оценено в сфере Политического разными способами. Некоторые политические системы признают неравенство, как оно есть и стремятся лишь зафиксировать его политически. Другие предлагают систематизировать и реорганизовать его. Третьи хотят искоренить его, но поскольку неравенство — сущностная характеристика человеческого коллективного бытия, будучи искорененным в одном аспекте, оно непременно возникнет в другом.

Два примера того, о чем идет речь. Как поступали с проблемой неравенства (иерархией) те режимы, которые настаивали на материальном равенстве — социализм, коммунизм, особенно в большевистские времена? Коммунистическая доктрина пыталась радикально отменить неравенство политическими методами. Были проведены колоссальные эксперименты по искоренению того, что коммунисты считали главной причиной неравенства — имущественной дифференциации. Было построено социалистическое* общество, в котором почти достигнуто материальное равенство. Разница между богатым и бедным казалась незначительной, в то время как во всех остальных обществах разрыв был несопоставимо большим.

Но параллельно с реализацией материального равенства при большевизме сложилась новая (причем очень жесткая и строгая) иерархия¹.

Это была иерархия партийного типа, где аппарат партии получал возможность беспрецедентного контроля над обществом и хозяйством в целом.

Отмена имущественной иерархии породила иерархию иного порядка. И это не порок коммунистической системы, просто после ликвидации (по меньшей мере, резкого снижения порога) имущественного неравенства, несмотря на огромные политические усилия, присущее человечеству качество «всплыло» в другой сфере, компенсируя изменение общего баланса.

Другой пример — либерально-демократический западный мир. На Западе существует определенное равенство возможностей, для зарабатывания денег, приобретения материальных благ, занятия высоких постов в государстве и обществе совершенно не обязательно быть представителем определенной расы, политического движения, привилегированных семейств или сословий. Люди почти уравниваются в своих номинальных правах. На Западе огромные усилия в сфере Политического были брошены на то, чтобы ликвидировать социальную форму неравенства, но возникла другая его форма — колоссальное имущественное расслоение, которое в значительной степени опрокидывает социальный смысл равенства стартовых возможностей. Да, страны либеральной демократии настаивают на стартовом равенстве каждого с каждым, но реально существует микроскопическая верхушка очень богатых людей, которые за счет материального достатка получают все привилегии «аристократии»* или «олигархии»* и становятся на более высокую ступень в обществе по сравнению с остальными. Влияние сверхбогатого меньшинства на область Политического многократно превосходит возможности «экономических неудачников», которыми, оказывается, большинство.

Примеры показывают, что Политическое лишь *структурирует* существующее неравенство, проистекающее из самой человеческой природы. Люди не просто «не равны», они еще и *не равны по-разному*. Можно представить альтернативные политические формы, утверждающие необходимость равенства в тех или иных сферах — и вновь неравенство будет проявляться в других аспектах. Тотального равенства нет точно так же, как нет людей вне политики, политики вне власти, власти без цели, проекта без иерархии ценностей.

В стремлении искоренить неравенство проявляется та же *нигилистическая* тенденция, которую мы выделили в политических учениях, отрицающих онтологию власти (анархизм, демократия) или наличие у общества цели (либерализм). Особенно ярко она выражена в коммунистических учениях и в иных формах «политического эгалитаризма»*.

Правовая система *Политическое выражается через правовую систему. Право при тотальном понимании Политического является функцией от политики. Политическое порождает и учреждает право. Система правовых норм и правовых отношений в обществе никогда не возникает непосредственно из правового института.* Вначале к власти приходит та или иная группа людей, с тем или иным представлением о Политическом, сформулированным на основании того или иного мифа, с оп-

ределенной волей к реализации этого мифа в конкретном проекте, и лишь на основании этого впоследствии формируется та или иная правовая система.

Правовая система порождается Политическим. Она может существовать и длиться дольше, нежели тот или иной конкретный политический режим. Она может видоизменяться, но она не обладает автономией от Политического, всегда остается зависимой от него. Рано или поздно наступает момент, когда власть (монарх, класс, народ, партия, группа людей) сталкивается с *неправовой ситуацией* — той, которая не предопределена правовым кодексом. *Власть решает неправовую ситуацию на основании Политического.*

Онтология решения: функции «чрезвычайных ситуаций» для становления правовой системы Эту тему подробно разобрал немецкий философ и юрист Карл Шмитт. Он показал, что в истории любого государства, любой политической системы возникает момент, когда властелин, правитель, президент, либо некий коллективный орган попадают в ситуацию, где правовые институты не могут помочь в принятии судьбоносного *решения*, так как не предвидят и не описывают ее¹³.

Это так называемая «чрезвычайная ситуация» (нем. «Ernstfall»). В «чрезвычайной ситуации» не просто проверяются личные данные конкретного правителя или состоятельность власти, но обнаруживается внутренняя природа Политического: в таком решении концентрированно и суверенно выражаются фундаментальные принципы политической «онтологии». Властелин основывает решение, принятое в исключительной (неправовой) ситуации на *глубинных началах* — тех, что составляют ткань традиции, квинтэссенцию его политической воли, осмысление конечной цели всего сообщества. В этом чистом проявлении Политического и берет начало конкретная правовая система, подтверждаемая или ниспровергаемая фактом решения и его непосредственными последствиями. Политическое доказывает суверенность своего бытия именно тогда, когда право либо безмолвствует, либо позволяет предпринять с равной обособленностью прямо противоположные шаги. Отречение последнего русского Царя Николая II от престола, штурм Зимнего дворца, смещение Хрущева с поста генерального секретаря ЦК КПСС, роспуск Варшавского блока Горбачевым и СССР Ельциным и многое другое в русско-советской истории XX века представляют собой примеры «политических решений», принятых вне всяких рамок законности, так как они знаменовали собой реализацию суверенности высшей политической инстанции (или политической группы, на это претендующей) вне имеющихся правовых рамок. Более того, правовые нормы возникали позже как развитие и закрепление «политических решений», оформляя в систему законов и нормативных актов те фундаментальные положения, которые свернуто (в сверхконцентрированном виде) присутствовали в моменте «решения».

Вторичность правовой системы в сравнении с сущностью Политического, выражающейся в факте «решения», не отменяет значения права как такового. Напротив, право призвано развернуто и подробно *зафиксировать* основные черты Политического в его историческом проявлении. В праве могут отражаться фундаментальные черты Политического, сопряженные с признанием преемственности цивилизационных, религиозных, социальных, этических и других традиций, оценки прошлого («миф об истоках»), грядущей цели и т.д., а могут и второстепенные — юридические механизмы и нормативы, имеющие преходящее значение.

Переход на уровень права переводит Политическое из имплицитного состояния в эксплицитное*, из потенциального* в актуальное*, из подразумеваемого в объявленное, декларируемое.*

В праве не может содержаться что-то *сверх того*, что есть в Политическом, но при этом его объем заведомо *уже* Политического, так как любая действительность всегда заведомо уже области возможного. Поэтому законотворческий процесс чаще всего является открытым — *Политическое корректирует законодательную базу, видоизменяет ее в соответствии с живой реакцией на реальные события.*

Политический нигилизм «номократии» Здесь, как и во всех вышеперечисленных выражениях Политического, мы сталкиваемся с «нигилистической тенденцией», о которой неоднократно упоминалось. В данном случае она выступает как «номократия»*, абсолютизация закона.

«Номократия» предполагает деполитизировать Политическое в правовой области, подчинить праву все иные его формы. Продукт фиксации жизненной стихии Политического в нормативной системе ставится *выше* самой этой стихии. Таким образом, «исключительная ситуация» (Ernstfall) и связанное с ней «решение» (Entscheidung) переходят в разряд досадного исторического недоразумения, катастрофического разрыва *правовой юридической непрерывности*. «Номократия» и связанные с ней теории «правового государства», «прав человека» и т.д. характерны для либеральной политической философии.

Коллективная идентификация, «новая вещь» и новое «я» Следующее проявление Политического выражается в *коллективной идентификации*. Коллективная идентификация* представляет собой основанное на традиции и воле утверждение единства общественного организма с рядом присущих только ему характерных черт.

Латинский термин «Respublica» включает слова «publica» — прилагательное «общественный» и «res» — «вещь». Таким образом, это понятие можно перевести как «общее дело», «общественное дело». «Res» в латинском контексте по смыслу очень напоминает русское слово «вещь»: это нечто весомое, не просто «общее дело», а именно «общая вещь». Люди, входя в Политическое, организуют, порождают, создают, утверждают, моделируют некую *новую вещь*. Эта

вещь приобретает особый общественный характер. Участие людей в Политическом порождает *новое коллективное существо* — «respublica». Это нечто вполне конкретное и осязаемое. Когда человек вступает в Политическое, он учится осознавать себя через коллективную идентификацию; он говорит, например: «я — римлянин». Таким образом он определяет свою коллективную принадлежность к совершенно специфической реальности — к «общественной вещи Рима», к «Res Publica Romana». «Respublica» — коллективное «я» — различно в различных версиях конкретизации Политического, но нет такой политической реальности, в которой не было бы подобной *коллективной идентификации*. В Политическом человек расширяет границы своего индивидуального «я» до рамок «я» общественного. Это новое идентификационное измерение.

Человек получает дополнительное измерение в разных случаях: например, освоение профессии — это тоже вариант идентификации. В Политическом человек получает самую *глубокую и тотальную, обобщающую идентификацию*, включающую в себя все остальные уровни. Совокупность индивидуумов, вступив в Политическое, становится соучастниками общей для всех них реальности, которая подчас может заставлять их делать вещи, которые каждый индивидуум поодиночке делать бы не захотел. Это новое «сверх-я», имеющее суверенные права над каждым из тех, кто его составляет. Коллективная идентичность в стихии Политического *выше*, чем совокупность отдельных идентичностей, ее оставляющих. Целое снова здесь больше, чем часть.

Соучастие в политической идентификации, в новом «сверх-я», зависит от интенсивности вовлеченности человека в политическую жизнь. Если человек активно и сознательно проживает Политическое, он приближается к силовой линии, к нерву этого нового «сверх-я». В таком случае он политически полноценен и способен (в определенной мере, пропорционально своему усилию) влиять на поведение этой гигантской сущности — Республики.

Чем активней человек участвует в политике, тем ближе он к определяющим центрам этого существа, тем более он отождествляется с этим существом.

Когда французский монарх Людовик XIV говорил о себе: «Государство — это я», он имел в виду следующее: его личное соучастие в Политическом в той монархической, централистской, абсолютистской форме правления, которая преобладала тогда во Франции, было *тотальным*. Его личность отождествлялась с общественным существом «Res Publica».

Насилие *Осуществление насилия, легитимация насилия и защита от насилия (то есть коллективная безопасность)* — еще одно проявление Политического. Насилие, агрессия, так же, как и неравенство, воля к власти, иерархичность, правовая система, коллективная идентификация, *принадлежат к самой природе человеческого*, а в Политическом приобретает *наиболее масштабное воплощение*.

Насилие является одной из сторон человеческого существования, присутствует в разных формах во многих сферах человеческой жизни. Как и в

случае неравенства, *Политическое не порождает и не учреждает насилие, но оперирует, манипулирует с ним*. Когда мы вступаем в сферу Политического, мы осуществляем *ревизию стихии насилия* — что-то принимаем, что-то выносим за скобки, обуславливаем случаи его применения, устанавливаем меру и формы ответственности за это и т.д.

Одна из важных задач Политического — сохранить членов данного коллектива от внешних угроз, от насилия «со стороны». В этой форме Политическое выступает как гарант обеспечения безопасности от внешних угроз. Оборона коллектива, государства, Республики — неотъемлемая сторона Политического, поскольку в данном случае речь идет о физическом сохранении идентичности всего народа. *Защита от внешней агрессии составляет важнейшую функцию любого политического образования.*

Проблема насилия не сводится к защите от внешних угроз. Не бывает чисто «оборонных» государств. Нет таких народов, которые на протяжении своей истории только защищались бы от агрессивных соседей. Агрессия проистекает не только со стороны «внешних врагов», она имеет и внутренние корни. В определенных случаях *задачи обороны решаются только в ходе нападения*. Организация, структурирование и ориентация насилия в сторону того или иного внешнего объекта является функцией Политического. Здесь необходимо не только отражать и предотвращать угрозы, но и при необходимости *порождать их*. Это составляет *военное измерение Политического*.

Обращаясь внутрь общества, Политическое также структурирует насилие. С одной стороны, оно устанавливает рамки приемлемого насилия, а к тому, что выходит за них, само применяет насилие. Это составляет суть репрессивной* системы.

В разных системах Политического существуют разные модели того, как следует законно применять насилие к своим членам, более или менее подробно описано, какое действие влечет за собой тот или иной проступок. Каждая политическая система имеет *свою* модель легитимации насилия. Она существенно варьируется — от максимального масштаба репрессивных мер против граждан при тиранических и тоталитарных режимах до минимального прямого насилия вплоть до отмены смертной казни. Либеральные политические системы стараются прибегать не к прямому насилию, но к косвенному воздействию с помощью экономических рычагов, что порождает особую форму — *«экономическое насилие»*.

Нигилистические тенденции в вопросе «насилия» проявляются в *пацифизме** — утопической концепции, согласно которой насилие не принадлежит к человеческой сущности и требует искоренения.

Ценностные системы Политическое утверждает, сохраняет, изменяет *ценностные системы* общества.

Политическое *не создает* ценностные системы или, более точно, *не всегда* их создает. Иногда (и чаще всего) ценностные системы приходят в политическую сферу из других областей. Но никогда ценнос-

тная система — религия, культура, быт, обычаи, искусство, интеллектуальная деятельность, верования, мифы, ритуалы, обряды, модели поведения и т.д. — не становится доминирующей в обществе, *минуя Политическое. Ценностная система должна быть либо принята, либо отвергнута, либо изменена в инстанции Политического.*

Не существует ценностных систем *вне тотальной политики*. Христианство*, например, родилось не из политических соображений — оно возникло как Откровение Пришествия в мир Сына Божьего.

Долгое время христианство существовало на обочине политики, и лишь при императоре Константине из маргинальной религии довольно узкого социального спектра приобрело *политическое измерение*, став господствующей ценностной системой. В тот момент оно и соприкоснулось с политикой в полной мере.

Философия политики как интеллектуальное усилие Чтобы приблизиться к пониманию, что такое философия политики, необходимо отвлечься от того, чем является политика сегодня. Другими словами, для постижения философии политики надо постараться выскользнуть из-под норм и систем *внушений*, которые довлеют над нами благодаря воздействию привычных для нас конкретных форм Политического. В данном случае мы должны ускользнуть от политики не «вниз», в условно «неполитическое», но «вверх», в «сверх-политическое», во внутреннее пространство Политического, где возможности конкретизации пребывают в одновременном состоянии и могут вылиться вовне по разным руслам.

Изучая философию политики, мы должны расширять содержание того, чем *может быть политика*. То, чем она была, и то, чем она является сегодня — несмотря на все обилие вариантов и смысловых систем — лишь намекает на то, чем она *может являться*, что скрывается в недрах Политического.

Примечания

¹ «Что такое философия?», «Алетейя» (СПб), 1998. Совместная книга двух французских мыслителей — философа Жюль Делеза и психоаналитика Феликса Гваттари.

² Хайдеггер М. «Что значит мыслить?», «Разговоры на проселочной дороге», М., 1991.

³ Аристотель. «Политика» (1/9), М., 1911.

⁴ Аристотель. «Политика» (I/11-12), указ. соч.

⁵ Употребление термина «Политическое» (вместо «политика»), по-немецки «das Politische», характерно для немецкого философа Карла Шмитта. См. Carl Schmitt «Das Begriff des Politisches», Berlin, 1934.

⁶ Древние матриархальные цивилизации изучены в книге Бахофена

«Материнское Право». Wachofer, Johann Jakob *«Das Mutterrecht»*, В.1861.

⁷ Немецкий философ, социолог и юрист Карл Шмитт для обозначения данного онтологического отношения ввел термин *«политическая теология»*, чтобы подчеркнуть то фундаментальное, почти религиозное значение, которое имеет для человечества область Политического. К.Шмитт *«Политическая теология»*, М., 1999.

⁸ Платон. *«Государство»*, соч. в 3 т., М., 1971, т.3.

⁹ О значении Платона можно судить по словам математика, логика и философа А.Н.Уайтхеда: «Самая надежная характеристика европейской философии состоит в том, что она представляет собою ряд примечаний к Платону» (A. N. Whitehead *«Process and reality»*, N.Y., 1960).

¹⁰ Цит. По Nietzsche *«Wille zur Macht»*, 3 Buch, III, 717 Nietzsche Werke, Stuttgart, 1921.

¹¹ В Германии — это философы течения «Консервативной Революции». Во Франции — структуралисты, «новые левые» и «постструктуралисты». В России — «евразийцы». В Италии — «традиционалисты» и т.д.

¹² В старославянском языке слово «целовать» означало «приветствовать» в широком смысле. Это пожелание быть «целым» (в смысле «здоровым», «полноценным»). Так же этимологически близкое немецкое слово «Heil» означало «здоровье», «счастье», «благо» и «приветствие».

¹³ См. Карл Шмитт *«Понятие Политического»* в ж-ле «Вопросы Социологии», №1, М., 1992; *«Земля и море»* (в кн. А.Дугин *«Основы Геополитики»*, М., 2000), *«Политическая теология»*, М., 1999.